

Юрий Николаевич Пахомов, доктор экономических наук, академик НАН Украины, директор Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины.

Украина и Россия: эффекты взаимодополняемости и риски отторжения

"Правительство, которым управляют деньги,
так же опасно, как правительство, которым
управляют бандиты".

Ф. Рузвельт

Исследуя в течение многих лет цивилизационные процессы, я всё больше приходил к выводу, что планетарная структура этносов в значительной мере формировалась на основе принципа взаимодополняемости. Действительно, если Запад экстравертный, то Восток – интравертный. Если у одних народов, избравших религией протестантизм, стремление к наживе становится чуть ли не смыслом жизни, то у других народов религия (ислам) оказывает сдерживающее влияние на проявление алчности, а на рыночно-спекулятивную экспансию даже набрасывает сдерживающую "узду".

Та же взаимодополняемость с элементами противостояния выявляется в отношении народов к природе. Одни этносы (например, японцы-синтоисты) относятся к природе, как к божеству, и проявляют (как индусы) милосердие ко всему живому. Другие (европейцы), напротив, склонны к покорению природы и её хищнической эксплуатации. Ещё один аспект взаимодополнения – нации "мужские" и "женские" и т.д.

Показательно, что даже способы проникновения в тайны природы у разных миров (народов) существенно различаются именно по критерию взаимодополняемости. Так, если западный учёный добывает научные знания рациональным путём, посредством анализа и эксперимента, то в странах Востока (особенно в Индии) издревле использовались мистические практики, реализуемые, например, через введение в состояние транса посредством медитации и т.д.

Конечно, противоположности "ведут" себя по-разному. Они могут быть источником противостояния; но часто становятся животворящими, когда взаимодополняются в процессах взаимодействия.

В нашем случае применительно к России и Украине феномен взаимодополняемости проявляется особенно рельефно. Пророческими в этом отношении были слова великого Н. Гоголя о том, что великороссы и малороссы, щедро одарённые талантами, как будто созданы друг для друга.

Действительно, если русским свойственны в деяниях размах и склонность покорять вершины и просторы, будь то Сибирь, космос или Северный полюс, то украинцы хороши в обустройстве пространства, в наведении (после прорыва) делового порядка. Проявляется это и в быту: ведь лучшие (ухаженные) деревни в Сибири, на Дальнем Востоке и других местах – украинские. Кстати, в Советской Армии, в том числе в российских регионах, старшиной в подразделениях новобранцев обязательно назначали украинца.

Ещё один важный момент: русский, что отмечали и классики литературы, во всём доходит до крайностей, до предела возможного. Украинец же, наоборот, "поміркований", умеренный. Не случайно и то, что в эпоху "застоя" в правительстве СССР превалировали (в сравнении с их удельным весом в СССР) именно украинцы.

В свете изложенного может показаться, что после развала СССР и образования на его месте суверенных государств наиболее благоустроенной и благополучной страной станет Украина. Однако этого не произошло. Более того, именно Украина продемонстрировала в первое десятилетие наибольшее падение ВВП (70 %), что побудило американского политолога Андерса Ослунга дать ей убийственную характеристику. Крушение экономики на Украине он образно охарактеризовал как "беспрецедентный случай транзита успешной и развитой страны в средневековье"¹.

Всё, что на поверхности выглядит парадоксальным, имеет объяснение. Дело в том, что процесс созидания новой страны, лишённой до этого не только атрибутов, но и традиций государственности, нуждался не в "поміркованості", а в глубоких и масштабных трансформациях. Но украинская власть, склонная лишь к поверхностным операциям, к глубоким и масштабным трансформациям не была приучена. И если в рамках СССР отсутствие таких качеств в Украинской ССР компенсировалось (в годы пятилеток, в космических и других прорывах) избыточной решительностью и радикализмом Москвы, то в новой ситуации "украинцам во власти" пришлось самим руководить собой. И тут, по ряду причин, в том числе и объективных, Украину ждала неудача.

Во-первых, существенной преградой на пути ускоренного развития с первых же лет стало глубоко укоренившееся в украинском этносе взаимное недоверие и даже отчуждение. Причём подобным образом давали о себе знать на первых порах даже не раскол по линии Восток–Запад (что случилось позже), а глубокое взаимное недоверие в среде этнических украинцев. Весьма симптоматичными в этом отношении оказались результаты проведённого в 1994 г. общеевропейского опроса (23 страны)

¹ В 1990 г. объём ВВП на душу населения (по паритетам покупательной способности, т.е. по реальному соотношению цен) на Украине превышал среднемировые показатели на 11 % (Украина – 5433 дол., мир – 4890), а в 2006 г., по последним данным ПРООН, он опустился на 33 % ниже среднемирового (Украина – 6224 дол., мир – 9316). В России этот показатель к тому времени составлял 13205 дол., в Казахстане – 9832, в Белоруссии – 9737 дол. Ещё рельефнее выглядит провал в научно-технологической сфере. В 1990 г. Украина, где проживало 0,8 % населения планеты, создавала 2 % мирового ВВП и 6,5 % научно-технологического потенциала. Ныне последний показатель снизился на 2–3 порядка. Показательно, что за все годы "докризисного" развития Украина так и не достигла своего же уровня 1990 г., а оставалась на уровне минус 20 %.

по проблемам политической культуры². Среди прочих там был вопрос "Как Вы относитесь к соотечественникам: хорошо, очень хорошо; плохо, очень плохо?". Во всех странах, кроме Украины, ответы на вопрос "плохо" и "очень плохо" были в пределах 5–6 %, на Украине же негатив зашкаливал: оказалось, что "плохо" и "очень плохо" к соотечественникам относились в те годы, а это были годы эйфории по поводу независимости, 14 % украинцев.

О том, что результаты опроса были не случайны, свидетельствуют и распространённые на Украине пословицы: "Чего бы ты больше всего хотел? – Чтоб у соседа сгорела хата и сдохла корова", "Пусть у меня выбьют один глаз лишь бы у соседа два" и т.д. По-видимому, нигде в мире нет таких пословиц, и они не случайны, они есть свидетельство непростой украинской истории³.

Общеизвестно, что одним из факторов успеха в экономике является солидарность. Там же, где уже на старте в обществе закладываются взаимное недоверие и, соответственно, раздраз, экономический успех заведомо маловероятен.

Во-вторых, на судьбе страны негативно сказалась многовековая украинская безгосударственность. Истоки её лежат не только в казацкой вольнице, но и в попеременной включённости украинской территории в состав то одних, то других государств, компенсировавших дефицит государственности.

Казалось бы, надо было лишь скопировать атрибуты чьей-либо развитой государственности и адаптировать их к украинской специфике. Но это оказалось не так просто, потому что значение имеют долгосрочные традиции жизнеустройства того или иного этноса. Именно традиции, передаваемые из поколения в поколение, закладывают (согласно исследованиям К. Юнга) в так называемом "коллективном бессознательном" жизнеустроительные установки и этноса, и каждого человека. Соответственно, идея государственности в народе либо есть, либо её нет. Ведь не случайно в Китае на протяжении более чем двух тысяч лет имеет место почитание чиновников и культ сильного государства. Идеи эти тысячелетиями культивирует конфуцианство, а также, в какой-то степени, китайский буддизм и даосизм. Почитание государства имеет место и в России. Так что если, предположим, удалось бы "заглянуть" в коллективное бессознательное типичного русского (подобные операции под гипнозом осуществлял К. Юнг), то наверняка обнаружилось бы почитание пережитков "имперскости", что делает гражданина России сторонником сильной власти. На Украине же в ситуации её внезапного и неподготовленного выведения из-под соседской властвующей государственности собственная государственность, в том числе из-за отсутствия традиций, не сложилась.

Конечно, свою роковую роль тут сыграла в начале 90-х гг. навязанная Западом Украине и России разрушительная (для постплановой

² Автор руководил данным проектом на Украине, поскольку был директором Института социологии.

³ Примечательно, что в южных степях и на востоке Украины люди другие. Отличительная черта населения тех мест – широта натуры.

экономики) реформаторская модель так называемого "вашингтонского консенсуса" (она же модель МВФ). Однако Россия, вначале претерпев на почве этой модели катастрофу, вскоре опомнилась и сделала выбор в пользу рыночно-государственного синтеза, в рамках которого государство – это руль, а рынок – мотор. Украина же, совершив самое глубокое из всех постсоциалистических стран падение, так и осталась сторонницей модели МВФ, согласно которой "рынок сам всё расставит по местам" и "чем меньше государства, тем лучше"⁴.

Характерно, что когда речь заходит о государственной ущербности, то в виде оправдания говорят: "Зато в Украине демократия". Кстати, именно с этих позиций (с позиций демократии) Украину захваливает Запад. На деле же это лишь уловка, имеющая целью противопоставить Украину России. Тем более что именно Запад как образцовый носитель идеалов демократии лучше всех осознаёт, что демократия на Украине липовая, что это – карикатура на демократию. Ведь демократия – это не безвластие, а власть закона. Но всё, что так или иначе связано с законами, на Украине провально. Причём провально в каждой сфере – будь то суды, прокуратура, местная или высшая власть... Одна лишь, но убедительная иллюстрация: по данным Государственной исполнительной службы Министерства юстиции Украины, в 2005 г. подлежало принудительному исполнению 6,1 млн исполнительных документов, а фактически исполнено было только 2 млн. В 2006 г. документов с такой судьбой было 1,9 млн из 5,7 млн⁵.

В такой ситуации хаоса и беззакония какой-либо продуманной политики (тем более – стратегии) у государства по определению быть не могло. Имела место лишь рефлексия на чрезвычайные происшествия, да и то она (эта рефлексия) слабеет, поскольку в последнее время усилилась тенденция саморазрушения центральных органов власти на почве межличностного противоборства первых лиц страны. Происходит ничем не ограниченное уничтожение одного государственного института другим, причём с переменным "успехом". В итоге страна всё больше теряет управляемость, как государство, так и общество в целом.

Во-третьих, обрыв традиционных взаимовлияний Украины и России роковым образом сказался на восприятии украинцами культуры времени. Советский Союз, как известно, был первопроходцем в практическом овладении сценарной (т.е. долгосрочной, нацеленной на реконструкцию будущего) культурой времени. Именно долгосрочное планирование, принёсшее отсталой ранее стране невиданный успех, западные страны (особенно США), а затем и страны Востока успешно использовали, правда, после серьёзного усовершенствования и "привязки" к научно-технологическому прогрессу.

Казалось бы, Украина как одна из наследниц СССР, а позже – "любимица" Запада, должна была воспринять и на практике реализовать лучший (в том числе западный) мировой опыт плановой реконструкции

⁴ Это, кстати, были первые симптомы позже глубоко укоренившегося в стране иждивенчества.

⁵ Українське суспільство 1992–2007 рр. / Динаміка соціальних змін. Київ, 2008. С. 459.

будущего. Ведь без этого инновационный и всякий иной прогресс, а значит, и успешное развитие невозможны. Но унаследования плановости не произошло. Как оказалось, нынешней Украине ближе по ментальности не стратегическая (сценарная), а циклическая (от урожая до урожая) культура времени, свойственная ныне лишь примитивным экономикам. В итоге Украина стала позиционировать себя как страна малых дел. Достаточно сослаться на то, что за 18 лет здесь не было создано ни одного крупного завода!⁶ И вообще, утерянным оказался аспект движения к самому важному – к более совершенному будущему страны.

В отличие от ситуации на Украине, Россия, даже униженная во времена Ельцина, была все годы стратегически ориентированной. Хотя ситуация в ней осложнялась потребностями оборонного развития, всё же вклад в инфраструктуру, а также в обновляемое производство постепенно нарастал. Последние достижения – второй, более совершенный металлургический гигант в Магнитогорске и уникальный завод сниженного газа на Сахалине – свидетельствуют сами за себя.

Конечно, Россия на поприще высокотехнологичных мировых достижений тоже пробуксовывает. Однако она имеет выстороненные долгосрочные проекты, в которые вкладывает годами накопленные финансовые ресурсы, предназначенные именно для инновационного реконструирования будущего.

Таким образом, в отличие от Украины, Россия, хотя и с осложнениями, стремится реализовать свой потенциал в режиме сценарного, т.е. стратегического времени.

В-четвёртых, Украина во многом из-за отторжения глубоких интеграционных взаимодействий с Россией, по сути, ставит под угрозу возможности перехода на инновационную модель развития, что является для неё на обозримую перспективу обстоятельством роковым.

Дело в том, что именно в ближайшие годы, в посткризисный период, в отличие от предкризисного прошлого, Украина не только лишается шансов обеспечить жизнедеятельность общества через нынешнюю низкотехнологичную модель, но и попадает в ловушку воспроизводственного коллапса.

Близорукость (а скорее – равнодушие) украинской власти, её поглощённость взаимной враждой и сиюминутностью лишили эту власть способности предвосхитить неотвратимое исчерпание низкотехнологичного воспроизводственного потенциала в контексте нарастающих рисков. Сами же риски, связанные с проблемой исчерпания этой модели развития, оказались на Украине многофакторными, причём выходящими далеко за производственно-экономические пределы.

Сама низкотехнологичность несла все годы существования Украины печать не только отсталости (III и IV технологические уклады составляют более 90 %), но и варварского отношения к производственным фондам⁷. Относительно развитый (поначалу) производственный потенциал

⁶ В Китае почти за такой же срок было построено 60 тыс. крупных предприятий.

⁷ Всё высокотехнологичное, поскольку оно не удовлетворяло изживенческим критериям, с гиканьем распилывалось на металлолом. Расхожим стало выражение: "Будем делать из ракет кастрюли".

достался новым хозяевам как трофей, и они относились к нему соответственно – как к трофею.

Настрой на хищническую эксплуатацию даром доставшегося добра дополнительно усугублялся сращиванием крупного бизнеса с властью, а также возможностью беспрепятственного вывоза доходов за рубежи страны. Этому содействовала и неустойчивая внутривластная ситуация. К тому же хищническая эксплуатация производственного потенциала Украины происходила на общем фоне действия общестрановых факторов деградации и падения экономики. И хотя оба процесса (хищничество и общий фон страны) были взаимосвязаны, однако они не сводились один к другому. Процессы деградации производства были обусловлены системными деформациями, охватывающими не только экономику и политику, но и общество в целом. В итоге Украина, которая на старте своей независимости была, как отмечалось, одной из развитых и благополучных стран Европы, за годы независимости по уровню ВВП на душу населения оказалась на предпоследнем месте среди европейских стран (позади только Молдавия). По уровню развития экономического потенциала Украину существенно опередили не только когда-то менее развитые Польша и Словакия, но даже и в прошлом "зачумлённая" Румыния. О том же, что к экономике дело не сводится, свидетельствует тот факт, что по оценочным критериям ООН Украина попала в число 46-и так называемых "несостоявшихся стран".

Характерная особенность поведенческого стереотипа Украины – усугубляющие деградацию иждивенчество и благодушие. Показательно, что страна до сих пор, невзирая на негативные уроки, полагается на саморегулируемость рынка, а по части реформ в ходу тезис: "Не будем изобретать свой велосипед"⁸. Среди факторов, позволяющих стране расслабиться и даже испытывать комфорт, немалое значение имела благоприятная экспортная конъюнктура, компенсировавшая инерционность, но вместе с тем подспудно усугублявшая общее неблагополучие. Усугублявшая потому, что экспортно-ориентированные отрасли (в основном металлургия и химия), доставшиеся Украине в наследство от эпохи ранней советской индустриализации и дающие львиную долю дохода, нынешние хозяева из-за благоприятной конъюнктуры не обновляли, и производство стремительно приходило в негодность.

Ещё один фактор, ухудшающий ситуацию и масштабно увеличивающий расплату за благодушие и иждивенчество, – это политика растущего замещения собственных потребительских благ дешёвым и во многом некачественным импортом (подмена мяса мясными отходами и т.д.). Естественно, что подобная политика оборачивалась упадком многих отраслей, особенно сельского хозяйства, которое так и не достигло уровня Украинской ССР 1990 г. (как и экономика в целом).

В результате такой политики власть не только обрушила внутренний рынок и нанесла ущерб экономике, но и содействовала формированию психологически ущербной потребительской модели. Модель эта,

⁸ Между тем мировой опыт успешного реформирования экономик свидетельствует о важности такого "изобретательства", в том числе искусства адаптации чужого успешного опыта.

основанная на массовой выдаче потребительских кредитов в счёт внешних заимствований, оказалась для экономики вдвойне опасной. Во-первых, она обернулась проеданием незаработанного, что сказалось на скорости и глубине вхождения Украины в кризис. Во-вторых, народ, и без того всей ситуацией настроенный на иждивенчество, был дополнительно заражён вирусом потребительства, который переключает человека с созидательного "быть" на ажиотажно-расслабляющее, а то и паразитическое "иметь"⁹.

В русле потребительства и затушёвывания процессов деградации страны срабатывал все годы и поток денежных средств, идущих из-за границы от многомиллионной армии гастарбайтеров (25 % работоспособного населения страны).

Наконец, на благодущие и иждивенчество настраивали Украину высокие темпы экономического роста. На деле же и этот, казалось бы, благодатный фактор был ущербным. В условиях низкотехнологичности и нарастающей производственно-экономической деградации даже высокие темпы роста часто перекрывались истощающим страну неравным межстрановым обменом. Типичным для Украины все годы был негативный результат такого обмена, который скрыт от поверхностного взгляда, но выявляется, к примеру, при продаже (дешёво) украинской древесины и покупке из неё сделанной итальянской мебели или при "обмене" украинского кожсырья на немецкую обувь. То же самое характерно и для "отвёрточной сборки" автомобилей, которая сопровождается покупкой за рубежом сверхдорогой "начинки". Таков присущий отсталым странам неравный межстрановой обмен, сопровождаемый перетоком стоимости от слабого к сильному. Сильным, условно говоря, достаются "сливки", а слабым – "обрат". Так что высокие темпы для низкотехнологичной страны – это в определённой степени иллюзия успешности. Подобный эффект можно наблюдать на некоем отрезке горной дороги вблизи Тбилиси, когда ты едешь на автомобиле вверх, а останавливаешься и отпускаешь тормоза – оказывается, что ехал вниз. Так что Украине, пока она технологически отстаёт, даже высокими темпами роста гордиться не приходится, сколько бы власть сама себя обзывала "европейским тигром".

Конечно, источником благодущия по части своей успешности является не только власть. Значение (быть может, главное) имеет повышенная чувствительность украинского этноса к самозахваливанию, а также убежденность в своей "избранности". Это русский, лишённый от природы кичливости и болезненного тщеславия, готов высечь и страну, и самого себя. Недаром именно в России (но не на Украине!) распространены сказки

⁹ О потребительстве как проедании незаработанного свидетельствуют следующие факты. При увеличении в 2004–2007 гг. выпуска потребительских товаров в 2 раза и росте производительности труда в 1,8 раза доходы населения возросли в 4,8 раза. При этом дополнительно раскручивалось потребительское кредитование населения, на 80 % осуществляемое за счёт внешних заимствований. В 2007 г. объём таких кредитов вырос на 164,9 %, а за 9 месяцев 2008 г. – на 33,5 %. Возникший при этом ажиотажно раскрученный потребительский спрос покрывался хлынувшим в "открывшиеся ворота" импортом. А это, в свою очередь, привело к 16-кратному снижению темпов роста пищевой промышленности и к сокращению на 4,8 % поголовья крупного рогатого скота. Ущерб, нанесённый популистским потребительством, в короткие сроки не восполним, тем более в условиях кризиса.

об Иване-дураке, что есть свидетельство незакомплексованности русских. Иное – Украина. В своё время национальный классик В. Короленко утверждал, что украинский национализм – самый бутафорный. И совсем не случайно переписывание истории возведено ныне на Украине в ранг главной задачи страны. Конечно, власть на почве фальсификации истории и противопоставления всего украинского российскому не только идеологически обосновывала украинскую идентичность, но и отвлекала внимание народа от провалов жизнеустройства.

Однако, похоже, что в своём стремлении демонизировать Россию правители Украины переусердствовали. Именно перебор, который народ всегда чувствует, а также успехи России и рост её значимости на мировой арене предопределили стремление, по сути, основной массы украинцев сблизиться с Россией. Так, если 3–4 года назад её сторонники составляли иногда всего лишь 40–45 %, то в последние два года соответствующий показатель не падал ниже 71 %. Последний же опрос, проведённый ведущим украинским центром КМИС и российским "Левада-центром", зафиксировал буквально вспышку симпатий украинцев к России. Оказалось, что "хорошо" и "очень хорошо" относятся к ней 91,1 % украинцев, а сторонники позиции, согласно которой Украина и Россия должны иметь безвизовый режим и жить дружно, составляют 67,6 % украинцев¹⁰.

Кстати, тот же опрос опроверг дежурный тезис украинской власти о якобы генетической склонности россиян "поглотить" Украину. Так, на вопрос о том, должны ли украинцы и россияне объединиться в одно государство, положительно ответили 23,1 % украинцев и всего 11,8 % россиян! Так что, исходя из этих данных, скорее можно было бы украинцев обвинять в стремлении "захватить" Россию, а не наоборот¹¹.

Симптоматично, что обозначенный разворот общественных настроений в пользу России совпал с той провальной ситуацией в экономике Украины, выход из которой по большому счёту возможен только через инновационную модель, что, в свою очередь, делает настоятельными украинско-российские интеграционные взаимодействия. Неотвратимость такой интеграции, охватывающей, что самое главное, и научно-технологическую сферу, обусловлена не только общим падением украинского производства, но и выходом из строя на Украине той самой низкотехнологичной экспортно-ориентированной модели, которая при всех её дефектах до сих пор была главной "кормилицей" страны и почти единственным поставщиком валюты.

То, что эта модель подлежит не ремонту, а ликвидации и замене, причём замене на радикально отличную, а значит, высокотехнологичную модель, было ясно все последние годы. Ведь Украина, познавшая когда-то в прошлом свою значимость и вкус высокоразвитости, к тому же находящаяся в родстве с Россией, не может окончательно смириться со своим нарастающим плебейством. Такое "смирение" и обречённость были

¹⁰ Зеркало недели. 2009. 11 апреля.

¹¹ Расхожий тезис о стремлении России овладеть Украиной, исповедуемый антироссийским украинством, абсурден уже потому, что Россия в случае подобной акции обрушила бы свою экономику. Ведь нынешняя Украина для России экономически просто неподъёмна, ещё в большей степени, чем была ГДР для ФРГ в годы их воссоединения.

бы возможны лишь где-то в закоулках племенной Африки, но не на бойком перекрёстке активных взаимодействий динамично развивающихся держав. Такая страна стала бы окончательно "безлюдной", ведь все, кто рядом, живут всё лучше и лучше.

Конечно, в ситуации, когда каждый правитель Украины блюдет лишь свой сиюминутный интерес, переход от инерционно-иждивенческой модели роста к модели стратегической, а значит, инновационной, мог бы во времени затягиваться сколь угодно долго. Этому вполне соответствует распространённое "философское" высказывание украинцев: "Якось воно буде..." Однако накрывший Украину мировой кризис заставил власть и общественность соотносить катастрофическое настоящее именно с инновационным будущим.

Получилось так, что кризис не просто ударил по Украине, он вышиб у украинской элиты (а это олигархи и власть) почву из-под ног. Причём наиболее чувствительный удар был нанесён именно по украинскому олигархату, чьи экспортно-ориентированные потоки непосредственно смыкаются с волнами глобального кризиса и ими блокируются. Блокируются не только из-за кризиса, но и потому, что крайне устаревшие экспортные отрасли, эксплуатируемые с установкой на "добивание", полностью лишились с "приходом" кризиса шансов на спасительную диверсификацию и, соответственно, на конкурентоспособность. По этой причине, а также вследствие общей неблагоприятной экономической и особенно финансовой ситуации (огромные иностранные заимствования, массовые невозвраты кредитов и т.п.). Украина вошла в кризис в качестве мирового рекордсмена.

О том, насколько быстро и глубоко страна втягивалась в кризис, свидетельствует вывод самых компетентных зарубежных "оценщиков". Так, согласно выводам симпозиума МВФ, Всемирного банка, рейтинговых агентств "Блумберг", "Мерил Линч и Фитч" в Гааге, Украина пострадала больше всех затронутых кризисом стран. Причём её "первое место" было проиллюстрировано данными таблиц, заполненных сводными, фиксирующими кризис показателями. В сделанном там же заключении прогнозировалось отбрасывание страны назад, сопровождаемое обрушением прежде всего крупных компаний.

Примечателен также и диагноз, сделанный экспертом названных агентств Вольфгангом де Толем по поводу украинского кризисного "лидерства". "Украина, – сказал он, – как корабль без капитана и без команды барахтается в открытом море в отчаянный шторм; и все так обессили, что некому даже крикнуть "SOS". А в это время другие корабли задраили люки, сняли снасти и легли в глубокий дрейф, чтобы спасти хоть что-то"¹².

Вскоре стало понятно, что кризисная ситуация на Украине опасна не только из-за потерь, приносимых кризисом. Не менее опасной для страны представляется и послекризисная ситуация. Пока Украина

¹² Согласно данным Госкомстата Украины падение экономики и в 2008 г., и в первом квартале 2009 г. было "рекордным". В последнем случае сокращение ВВП составило 20,3 %. В итоге прирост экономики за 2005–2007 гг. сошёл на нет. Столь стремительного падения не было ни в Европе, ни в Азии.

завершает путь многолетнего сползания на обочину и тонет в кризисе, другие страны смогут не только успешнее пройти кризисный путь, но и инновационно продвинуться. Ведь кризис, особенно мировой, – это не только бедствие, но ещё и селекция. Он как волк в лесу добывает слабых (в нашем случае "нисходящих") и тренирует сильных, т.е. восходящих. Уже ясно, что нынешний кризис разворачивает Китай в сторону ещё большего успеха, с силой (с хрустом костей) заставляет Россию сменить модель развития, а также пристрастно испытывает пока ещё лидирующий Запад (из-за деградации ценностей). Как писал А. Тойнби: "Если для людей суицид есть нечто неординарное, то для цивилизаций это обычный конец". Хотя конец (вспомним судьбу Рима) может тянуться долго.

На Украине критической для страны проблемой стала судьба производственных мощностей экспортно-ориентированных предприятий. Модернизировать эти мощности страна не в силах. К тому же в этом нет никакого смысла, ибо громадное скопище технологической рухляди модернизации не поддаётся. Окончательный приговор украинской экспортно-ориентированной низкотехнологичной модели выносит и мировая конъюнктура, которая в посткризисной ситуации уже не будет благоприятной для основной массы традиционных украинских экспортных товаров. Ведь на те же внешние рынки с той же (что и Украина) экспортной продукцией выходят обновившие свои мощности Китай, Индия и Россия, на фоне которых украинские товары, скорее всего, станут заведомо неконкурентоспособными.

Все эти обстоятельства буквально загоняют Украину в глухой угол. Традиционные экспортно-ориентированные отрасли (речь идёт прежде всего о металлургии и, во многом, о химии) в посткризисной перспективе выйдут из строя. Эта экспортная продукция ещё до кризиса находилась в зоне конъюнктурного риска. Остальная часть экспортно-ориентированного потенциала и невелика, и несовершенна, не способна заработать достаточно валюты для "прокормления" страны.

Неважной является на Украине и ситуация с обслуживанием внутреннего рынка собственным производственным потенциалом. Известно, что в развивающейся стране оборотной стороной доминирования экспорта является узость внутреннего рынка. На Украине с её мощным ресурсным потенциалом (в том числе чернозёмы) до недавнего времени функционировал крупный конгломерат отраслей внутристрановой, особенно потребительской ориентации. Однако в последние годы, как отмечалось, в том числе в целях "прикармливания" электората, а также для снижения инфляции, были широко открыты границы для импорта, и это обстоятельство, а вслед за ним и влияние кризиса, обусловили существенное сужение и даже блокирование внутреннего рынка.

Оба обозначенные фактора – бесперспективность реанимирования изжившей себя экспортной модели и сужение и без того слабого (по сравнению с масштабами страны) внутреннего рынка – острейшим образом ставят перед Украиной проблему выхода из этой ситуации. Самое опасное состоит в том, что страна свыклась со своим периферийным состоянием.

Власть же делает всё, чтобы страна находилась в блаженном неведении¹³. И это при том, что Время сейчас характеризуется плотным отсчётом и ускорением и что цена его потерь стремительно растёт.

Ясно, что критическое состояние украинской экономики, осложняемое к тому же внешними долгами и острой нехваткой финансов, предполагает не экстенсивное наращивание имеющегося потенциала, а радикальную модернизацию, основанную теперь уже на смене поколений технологических укладов.

Ситуация, к которой вплотную подошла Украина, не является просто трудным периодом. Страна буквально застыла перед выбором: или окончательно превратиться в маргинальную и, скорее всего, оказаться расколотой на части, или впервые за свою короткую историю нацелиться на успешное инновационное будущее, подобно тому, как это происходило в Южной Корее, Сингапуре, Финляндии и других странах и к чему стремительно идёт полуторамиллиардный Китай.

Для Украины, учитывая ментальность украинского этноса, самое трудное – смена поведенческого стереотипа инерционности и иждивенчества на готовность к мощному созидательному рывку, основанному на вере в лучшее будущее. И не имеет значения, будет ли этот порыв исходить непосредственно от народа, возглавляемого вождём, или народ поверит свою судьбу сильному украинскому реформатору, который, по аналогии с Кемалем Ататюрком, скажет: "Я силой тащу народ в лучшее будущее вопреки сопротивлению этого народа".

Таким является первое условие. Но есть и второе, без которого инновационный прорыв, а, соответственно, и смена нынешней модели на высокотехнологичную, не состоится – это взаимодействие в научно-технологическом контексте с Россией. И в этом смысле уже состоявшийся поворот симпатий украинцев в сторону России как нельзя кстати. С массовыми симпатиями не может не считаться и власть. Кстати, в последнее время даже радио, которое все годы было рупором русофобов, уже Россию не клянёт. И даже В. Ющенко существенно на этом "фронте" поостыл.

Может возникнуть вопрос, а причём тут "дружба народов", когда речь идёт о проблемах технологических и экономических. Ответ таков: очень даже "причём".

Мир так устроен, что не все виды взаимодействий между разными странами и народами происходят независимо от того, дружны они или нет. Так, для торговых сделок не имеет значения, друг ты или нет: успешно торговать можно и с врагом. Иное дело совместное решение проблем научно-технических, т.е. сотрудничество там, где участники делового проекта взаимодополняемы. В такой ситуации, как правило, требуется взаимное доверие, а то и личные симпатии.

¹³ Подобная самоуспокоенность в современном динамично меняющемся мире – опасна. Конфуцию принадлежит предостережение: "Скала, о которую бьются волны, кажется нерушимой. Но волны неумолимо подтачивают основание, и вдруг скала рушится". Вспомним, как рухнул СССР, а это ведь нечто более значимое...

С позиций бездушного рационализма всё это покажется вздором: ведь рынок, в том числе инновационный, – это чистоган¹⁴. Это было бы так, если отбросить два обстоятельства.

Первое – если бы Россия не была населена русскими, которые чувствительны к дружбе и которые могут отдать другу, называемому братом, последнюю рубашку¹⁵. (Кстати, украинская верхушка на первых порах прекрасно этим пользовалась. Достаточно сослаться на цены на газ и не только... В данном случае Украина вела себя как жена, которая бросила мужа, но требовала, чтобы он её содержал. И содержал ведь...)

Второе – если бы на нынешнем этапе уже не только экономический успех Украины, но и само её существование не стали бы решающе зависеть от взаимодействия именно с Россией, причём на ином, чем раньше, более высоком уровне.

Казалось бы, можно отвергнуть тезис о неизбежности альянса с Россией, сославшись на примеры Сингапура, Южной Кореи, Финляндии и других стран, которые сами себя выгнали из состояния отсталости и сформировались в качестве технологически передовых. Тут всё вроде так, но и не так. В те годы США из-за "холодной войны" с СССР не жалели средств на подтягивание стран-союзников, окружающих лагерь социализма, куда входили не только СССР, но и коммунистический Китай. Поэтому в страны прозападной ориентации, где зарождались модернизаторские процессы, активно вкладывались капиталы, а с ними и новейшие высокие технологии, причём не вышедшие в тираж, а те, которые заключали инновационную ренту.

Иное дело современная Украина. Она заведомо лишена доступа к западным высокотехнологичным инновациям, а также существенно ограничена в инвестициях в производство вообще. По известным причинам (беззаконие, всеохватывающая коррупция, неустойчивость власти и неопределённость судьбы страны) иностранные инвестиции под стратегические проекты на Украину не поступают. Львиная доля прямых иностранных инвестиций традиционно вкладывается в сферы с коротким циклом окупаемости: торговлю, финансовые сделки, операции с недвижимостью и тому подобное. Свои же финансовые вложения в инвестиции производственного назначения на Украине крайне ограничены. За 16 лет капитальные вложения в основные фонды составили лишь 29,5 % от объёма годовых капиталовложений в 1990 г. И это при том, что тогда основные фонды были в лучшем состоянии.

Существенно, что даже при наличии финансов одной из серьёзных преград на пути долгосрочного инвестирования на Украине явился бы недостаточный по объёму, а значит, лишённый эффекта масштаба украинский внутренний рынок. Представляется, что и это обстоятельство должно настраивать страну на причастность к более ёмкому рынку, каким для нынешней Украины является только российское экономическое пространство (разумеется, и СНГ в целом).

¹⁴ Впрочем, надо и рациональному Западу задуматься, почему Адам Смит своё главное произведение связал с этикой.

¹⁵ Согласно Ф. Достоевскому, "ко всечеловеческому братскому единению сердец русские наиболее предназначены".

Осложняет возможность нынешней Украины самостоятельно инновационно состояться и то обстоятельство, что население её угнетённо, лишено веры в завтрашний день, одержимо страхами, захлёстнуто бытовыми неустройствами¹⁶. Процесс этот на Украине все годы ускорялся и стал всеохватывающим. Показатель тому (не единственный) – приход рыночных отношений в суды, силовые структуры, на все этажи власти, т.е. туда, где их быть не должно.

Понятно, что народ с такими расстройствами не способен ни к гражданскому протесту, ни к эффективной созидательной деятельности. Не случайно многие соотечественники, выехавшие на заработки за границу, вдруг с удивлением понимают, что они, как оказывается, не только трудолюбивы, но и полны энтузиазма и надежд на будущее.

Конфуций говорит: "В богатой стране стыдно быть бедным, а в бедной – стыдно быть богатым". У нас ничто не стыдно, поскольку рухнула мораль. И это тоже источник угнетения духа. Как писал Ф. Искандер, "будучи подавленным, народ теряет аппетит к высоким ценностям".

Известно ведь что страны, добившиеся успеха в виде экономического чуда, в отличие от Украины, в течение многих лет демонстрировали силу духа и мощный энергетический подъём, веру в будущее, волю к успеху, потребительскую сдержанность и даже жертвенность (опять-таки, во имя успешного завтра). В странах этих, в отличие от Украины, царил суровый порядок, минимальным был разрыв доходов богатых и бедных, а главное – на корню изничтожалась коррупция (ведь известно, что масштабная коррупция и инновационный успех несовместимы).

Как пишет в отношении инновационной модели Владислав Иноземцев в своей статье "Призыв к порядку", "...не надо путать средства и результаты и думать будто модернизация возможна без собранности, мобилизации и самоограничений"¹⁷. И далее: "Когда отсталые страны Юго-Восточной Азии начинали экономические реформы, средний размер ВВП на душу населения составлял 700–900 дол. Это позволило перенять технологические достижения Запада и соединить их с дешёвой рабочей силой. Однако результат такого соединения общество ощутило в среднем через 15–25 лет после начала реформ: до этого зарплата росла на 1–2 % в год, а доля накоплений в ВВП сохранялась на уровне 38–50 %... серьёзный рост доходов населения начался, когда "дореформенные" показатели были

¹⁶ О том, что дух и энергетика нации угнетены, а значит, народ не имеет сил для активного действия и сопротивления, свидетельствуют многие факты. И это не отдельные явления, а состояние, охватившее общество в целом. Так, глобальные исследования Всемирной организации здравоохранения охарактеризовали психологическое состояние украинского народа как наиболее депрессивное в сравнении с другими странами мира. Это подтверждает и общеевропейский опрос 2007 г. (в котором участвовал и Институт социологии НАН Украины), охвативший 24 европейские страны. По его итогам оказалось, что Украина находится на 24-м или 23-м местах по показателям доверия к центральным и местным органам государственного управления, финансовым компаниям и банкам, по состоянию семейного дохода и здоровья, возможности найти работу в течение 3-х месяцев, по обустройству жилья, доверию к милиции, инициативности в работе, возможности выбора семейного врача и др. Причём даже по критерию ощущения счастья Украина хуже всех, что не укладывается в голове, поскольку украинский народ всегда считался одним из самых жизнерадостных.

¹⁷ Свободная мысль. 2008. № 10. С. 60.

превышены в 2,5–4 раза"¹⁸. По его мнению, "серьёзную промышленную державу нельзя построить без мобилизации усилий как народа, так и власти. А мобилизация всегда нуждается в порядке и ответственности, которых нельзя требовать от "низов", если их нет "наверху"¹⁹.

Возникает вопрос, могут ли на такие жертвы пойти украинские "верхи", утопающие в роскоши и привыкшие ко вседозволенности. Конечно, нет! А раз так, то и население (в ситуации типа нынешней) не включится полноценно в процессы формирования инновационной модели. Оно в такой (как нынешняя) ситуации превращается в толпу, ожидающую подачек. Толпа всегда хочет получить "всё и сразу". Она не склонна ужимать свой аппетит из-за рискованных вложений в будущее, и поэтому общество (и "верхи", и "низы") сообща ставит крест на перспективе. Конфуций говорил: "Общество, которое живёт лишь настоящим, уничтожает будущее".

Хочется верить, что состояние безысходности это прелюдия перед очередным "майданом", но уже не оранжевым (он дискредитирован даже в глазах участников этого заказного действия), а сине-жёлто-белым и красно-голубым. Для него налицо все предпосылки от неудовлетворённости положением в экономике и политической сфере до осознания масштаба деградации этноса и понимания важности украинско-российского альянса как способа выведения страны из нынешнего тупика.

Представим, что на Украине, несмотря на всё, что с ней произошло, воля к прорыву в успешное будущее всколыхнула нацию. В такой гипотетической ситуации безальтернативно успешной может быть только инновационная модель, и состояться она может (а также принести обильные плоды) только в украинско-российском симбиозе.

Естественно, что локомотивом инновационного рывка выступает в этом альянсе Россия. Главными же факторами успешности такой модели являются, с одной стороны, эффект резко возросшего масштаба, а с другой – ещё сохраняющаяся производственно-экономическая и научно-технологическая взаимодополняемость двух наших стран. Немаловажное значение будет иметь и десятилетиями формировавшаяся общая хозяйственно-организационная культура. И наконец, украинцы, вошедшие в кооперационные взаимодействия с россиянами, не будут ощущать себя гражданами второго сорта (как в странах Запада).

Переход к инновационной модели на Украине осложняется необходимостью преодоления механизмов, а ещё важнее – сил, которые обслуживают господствующие в стране чиновничье-олигархические и кланово-политические интересы. Ведь всё то, что сказочно обогащает нынешних хозяев жизни (то ли за счёт прорех в законодательстве, то ли посредством сложившейся коррупционной практики) добровольно с арены не сойдёт. Тем более что на Украине сама практика "левого" обогащения переросла в особую теневую институциональную систему, которая по своей отлаженности намного превосходит тот легальный институциональный "недоносок", который представляет официоз.

¹⁸ Свободная мысль. 2008. № 10. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 63.

Главное не только в масштабе и отлаженности теневой системы обогащения. Ещё важнее то, что она несовместима в первую очередь именно с инновациями. Ведь никакой инновационный интерес (т.е. система соответствующих стимулов), заложенный на Украине, предположим, в индикативное планирование, в выстраивание "длинных" денег, в налоговые стимулы и льготы инновационной ориентации и т.п., в нынешней ситуации не перешибёт враждебный всему инновационному теневой интерес. И действительно, зачем воротилам бизнеса вкладывать деньги в далёкое и рискованное будущее и годами ожидать отдачи, если есть возможность (именно у крупного, способного на инновации капитала) присосаться к госбюджету, подешёвке скупить со временем дорожающую землю, обогатиться за счёт спекуляций недвижимостью, рейдерства или передела собственности (в том числе государственной) и т.д.

Конечно, если бы владелец, предположим, металлургического комбината был бы государством "загнан" в легальное "стойло", то актуальным способом выживания была бы только конкурентоспособность, а значит – модернизация. Но ныне каждый владелец крупного бизнеса знает, что этого, учитывая природу украинской власти, никогда не будет. А раз крупный бизнес враждебен инновациям, то инновационно не состоится и малый, и средний. В отличие от этого не только на успешном Западе, но и в Китае крупный бизнес инновационно выращивает, не без "подсказок" государства, малый и средний инновационный бизнес.

Возникает вопрос, может ли взаимодополняемый симбиоз с Россией исправить украинскую ситуацию. Убеждён, что может, но при условии, что Россия исправит ситуацию свою. То есть сделает институциональную систему настолько восприимчивой к инновациям, что денежные потоки направятся через долгосрочные проекты в инновационное будущее так же естественно, как березовый сок по стволу весной.

Нет сомнений в том, что подобный альянс, нацеленный на инновации, при условии подъёма духа мог бы по успешности, стремительности и даже по конечному результату превзойти феномены экономического чуда недавнего прошлого. Здесь ведь, в отличие от времён восхождения Южной Кореи, Сингапура, Таиланда и Финляндии, научно-технологический подъём начался бы не с нуля, а с оживления и освоения не до конца растраченного огромного научно-технологического наследия бывшей второй державы мира. К тому же сам прогресс в науке и технологиях, а значит, и отдача от него с годами растут стремительно.

Вновь востребованными в ситуации научно-технологического ренессанса и подъёма оказались бы и не до конца "оборванные" цепочки когда-то мощного конгломерата российско-украинских инновационных взаимодействий. Причём это касается и академий наук двух стран, и отраслевых организаций, и предприятий, и отдельных личностей.

Мировой опыт, особенно недавний, свидетельствует и о том, что модернизация предполагает оптимальное соотношение сферы услуг и сферы производства (к чему тяготеет постиндустриальный мир), способного обеспечить страну качественными промышленными товарами. Ведь те же Соединённые Штаты, нарушив оптимальное соотношение этих двух сфер, существенно усугубили ситуацию и до, и в период кризиса.

Чего стоит в этом отношении зависимость США от Китая. Впрочем, добиться эффективности на этом направлении не так просто: здесь важны селекция, санация и диверсификация, обеспеченные структурными реформами. Значительный позитив есть в этом отношении и на Украине. На юго-востоке страны, где размещён основной массив неподъёмных производств, имеются и до сих пор привлекательные, особенно с учётом возможной модернизации, предприятия машиностроения, станкостроения, и других отраслей (в том числе предприятия ВПК). Несомненно, что развёртывание на почве интеграции межстрановых кооперационных цепочек откроет на украинско-российском пространстве новые возможности как для эффективной рациональной перегруппировки производств и, соответственно, товарных потоков, так и для наращивания доходов за счёт эффекта структурных сдвигов и возросшего масштаба межстранового рынка.

Развитие межстрановой кооперации безусловно позволило бы каждой стране избежать неэффективных затрат, особенно затрат на дублирование. Один лишь пример: строительство авианосцев, которое намерена возобновить Россия, может быть существенно удешевлено и рационализировано, если к этой работе привлечь лучшее в бывшем СССР предприятие, строившее корабли этого класса, – Черноморский завод в Николаеве. И таких возможностей откроется много, особенно в отраслях ВПК. Что же касается Украины, то с учётом подъёма возможностей кооперирования на другой, более высокий уровень в стране получило бы развитие производство авиа- и автомобилестроения, а также производство продукции лёгкой и пищевой промышленности. Украина существенно выиграла бы и в отношении притока качественных инвестиций. Ведь все предыдущие годы процесс этот существенно сдерживался узостью украинского внутреннего рынка! Соседние страны из-за этого, т.е. из-за отсутствия эффекта масштаба, предпочитали ввозить на Украину не капитал, а готовую промышленную продукцию, особенно крупносерийного производства.

Таким образом, формирование украинско-российского альянса, а может быть, и альянса в рамках СНГ содействовало бы не только переводу взаимодействующих стран на инновационную (постиндустриальную) основу, но и решению актуальных проблем модернизации традиционной индустрии, без чего сам постиндустриализм проблематичен. Ведь постиндустриализация въезжает в экономику лишь на плечах полноценной индустриализации.